

Titow Москва и губернии России

Н. З. ТИХОВЪ.

Пасха у славянъ Россіи.

ц. 40 н.

БИЛЕТЪ

ДЛЯ ВАРШАВСКАГО КОМИТЕТА

ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

№

4072

Издание подъ заглавиемъ:

"Пасса у славянъ
России"

напечатанное въ числѣ 500. экземпляръ,
въ 1/16 долю печатнаго листа, на 3 ли-
стахъ, въ Типографіи Варшавскаго Губерн-
скаго Правленія, выпущено въ свѣтъ.

"26" июня 1905 г.

Завѣдывающій Типографією,

Редакторъ

М. В. П.

ПАСХА У СЛАВЯНЪ РОССІИ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 74
Tel. 26-68-63

23.265

Пасхальные огни и стрѣльба.

Въ пасхальные дни прежде всего обращаетъ на себя вниманіе масса свѣта, зажигаемаго одновременно съ началомъ пасхальнаго богослуженія. Кромѣ того, что весь храмъ освѣщается богато свѣчами, лампадами и даже разноцвѣтными стаканчиками, — зажигаются огни и костры снаружи, каждый молящійся держать свѣчу... Въ то же время во многихъ мѣстахъ въ Великороссіи передъ пасхальной заутреней тушатся огни и приносятся горящія свѣчи изъ церкви, и отъ этого огня, приносящаго, по повѣрью, дому счастье, зажигаются вновь свѣчи, лампады и т. п. Въ городахъ русскіе, особенно подростки, дѣти и дѣвушки, стараются донести огонь домой послѣ каждой церковной службы на Страстной недѣлѣ и послѣ пасхальной заутрени, но, разумѣется, прежнее значеніе этого обычая въ данномъ случаѣ уже утратилось и получился родъ забавы.

Въ Вологодской губ. обычай этотъ измѣнился въ томъ смыслѣ, что ста-

INSTITUT

WADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Tel. 26-68-63

<http://rcin.org.pl>

раются не донести домой горящую свѣчу, а вообще поспѣть изъ церкви домой раньше другихъ. Поэтому всѣ бѣгутъ домой со всѣхъ ногъ, хотя бы за нѣсколько верстъ, такъ какъ, кто первый прибѣжитъ, у того работа пойдетъ въ году „всѣхъ круче“, т. е. лучше, удачнѣе (3). Подобнымъ же образомъ въ Кѣлецкой губ. спѣшатъ домой изъ костела всѣ молодые парни, обгоняя другъ друга, чтобы хозяинъ „скорѣе всѣхъ въ этомъ году закончилъ жнива“ (4).

Пасхальные огни напоминаютъ и древній языческій обычай тушить огни въ знакъ печали и затѣмъ добывать новый или священный огонь посредствомъ высѣканія или тренія.

Кстати отмѣтимъ, что у нѣмцевъ Пасха называется „Ostern“ по имени богини весны „Ostera“, въ честь которой въ древности зажигались весенние праздничные огни.

Характерный обычай, встречающійся и у нѣмцевъ, существуетъ, по сообщенію Сахарова, въ первый день Святой недѣли въ Тульской губ. Поселяне выходятъ тогда смотрѣть на „играніе солнца“, причемъ взрослые поднимаются на колокольни, а женщины и дѣти наблюдаютъ появленіе солнца съ пригорковъ и съ крышъ домовъ. При

появленіи солнца дѣти начинаютъ пѣть:

Солнышко, ведрышко,
 Выгляни въ окошечко,
 Твои дѣтки плачутъ,
 Сыръ колупаютъ,
 Собакамъ бросаютъ;
 Собаки то не ѣдятъ,
 А куры то не клюютъ.
 Солнышко, покажись,
 Красное, снарядись!
 Ёдутъ господа бояре
 Къ тебѣ въ гости во дворъ,
 На пиры пировать,
 Во столы столовать.

По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки при появленіи солнца умываются съ золота, серебра и краснаго яйца въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старики расчесываютъ тогда же свои волосы съ причитаніемъ: сколько на головѣ волосковъ, столько бы было и внучатъ... (9)

Въ Малороссіи мѣстами въ ночь на праздникъ Пасхи парубки разводять огонь близъ церкви и около него проводятъ всю ночь, причемъ для поддержанія огня крадутъ, преимущественно у евреевъ, повозки, бочки, колеса и т. п. Остающіеся въ домахъ крестъ-

яне проводятъ ночь безъ сна и стараются, чтобы огонь горѣлъ въ хатѣ цѣлую ночь. Нарушившій этотъ обычай проведетъ цѣлый годъ въ сонномъ состояніи. Нѣкоторые изъ мужчинъ идутъ высматривать, не горитъ ли гдѣ незаклятый кладъ ⁽¹¹⁾.

У поляковъ въ Варшавской, Калишской, Кѣлецкой и Петроковской губ. во время пасхальнаго богослуженія жгутъ смоляныя бочки и разные огни⁽⁴⁾.

Бѣлоруссы идутъ къ заутренѣ съ зажженными лучинами, — разумѣется, не имѣя возможности нести съ собой горящихъ костровъ, на которые указываетъ этотъ остатокъ — горящая лучина.

Побѣда весною свѣта надъ мракомъ выражается и въ вѣрованіи, сохраненномъ и въ церковныхъ преданіяхъ о томъ, что въ пасхальную ночь злые духи въ страшномъ трепетѣ были низвергнуты, съ воскресеніемъ Спасителя, въ бездну.

Въ русскомъ народѣ вѣрованіе это сохранилось въ весьма конкретной формѣ. Такъ въ Малороссіи, когда вынесены уже изъ церкви крестъ и хоругви для крестнаго хода, староста или сторожъ осматриваютъ церковь, чтобы тамъ никого не осталось, запираетъ дверь замкомъ и караулитъ,

„чтобы какая-нибудь вѣдьма не взялась за замокъ“.

По воззрѣніямъ малороссовъ, если въ тотъ моментъ, когда въ первый разъ раздастся пѣніе „Христось Воскресе“, выстрѣлить изъ ружья, то можно убить черта, и потому охотники, стоящіе во дворѣ или за оградой церкви, стараются уловить этотъ моментъ и выстрѣлить ⁽¹⁾. Бѣлорусскіе крестьяне, стрѣляя въ полночь и возвращая тѣмъ народу радостную вѣсть о воскресеніи Христа, увѣрены въ томъ, что имъ удастся убить „нечистую силу“, которая въ этотъ моментъ, по Божьему велѣнію, сидитъ въ болотѣ на цѣпи и грызетъ ее съ страшной злостью.

Въ польскихъ селеніяхъ существовалъ обычай въ Варшавской, Кѣлецкой, Калишской, Петроковской губ. и въ другихъ мѣстностяхъ стрѣлять во время пасхальнаго богослуженія изъ мортиръ и старыхъ пушекъ ⁽²⁾.

Въ Вологодской губ. первоначальное такое значеніе выстрѣловъ утратилось и измѣнилось въ обычай разстрѣливать въ Христову заутреню просфору, чтобы въ теченіе года имѣть всегда удачу во время охоты ⁽³⁾.

Подобнымъ же образомъ малороссы вѣрятъ, что вообще, если на первый возгласъ священника „Христось Вос-

кресе“ отвѣтитъ не обычнымъ „воистину воскресе“, а пожеланіемъ для себя чего-либо, то это желаніе непременно исполнится. Сила этого момента настолько велика, что, даже если держать въ рукѣ серебряную монету и вмѣсто „воистину воскресе“ отвѣчать священнику „анталюзъ маю“, монета эта пріобрѣтетъ чудесную силу неразмѣнной и будетъ возвращаться къ ея хозяину, принося вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ деньги отъ другихъ лицъ, къ которымъ она отъ него попала. Пріобрѣсти такую монету, по повѣрію малороссовъ, можно еще слѣдующимъ образомъ. Взять въ первый день Пасхи рубль и носить его въ карманѣ. Если кто скажетъ „Христосъ Воскресъ“, то ему нужно громко отвѣтитъ: „а въ мене карбованецъ е“, — и такъ до трехъ разъ ⁽¹¹⁾.

Въ Вологодской губ. нѣкоторые на привѣтствіе священника въ церкви отвѣчаютъ: „Три туза да козырная“, будучи увѣрены, что благодаря этому имъ всегда будетъ везти счастье въ картахъ ⁽³⁾.

Въ Холмщинѣ, кто хочетъ имѣть удачу въ кражахъ, долженъ во время крестнаго хода предъ заутреней и до разговѣнья трижды откусить и съѣсть хотя бы обаранокъ; этимъ несоблюденіемъ или преждевременнымъ нару-

шеніемъ поста онъ привлечетъ на свою сторону черта, который сдѣлается его сообщникомъ въ присвоеніи всякихъ приторговываемыхъ въ теченіе года до слѣдующей Пасхи предметовъ, въ родѣ платка, обуви, верхняго платья и т. п. (7).

Нельзя приэтомъ не обратить вниманія на нѣкоторую связь между приведенными только что повѣртіями со взглядомъ поселянъ Тульской губерніи на зависимость хорошаго урожая отъ хорошаго „игранія солнца“, о которомъ мы говорили нѣсколько выше.

Объясненіе всему этому даетъ весна, переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту, торжество послѣдняго надъ темными силами, совпавшіе съ христіанскими праздниками Пасхи, символизирующей духовное возрожденіе человѣчества.

Христосованье, крашеня яйца и пасхальные столы.

 днимъ изъ характерныхъ обычаевъ, связанныхъ съ праздникомъ Пасхи, является цѣлованіе между вѣрующими или „христосованье“, представляющее собою какъ бы внѣшнее проявленіе радости, любви и всепрощенія.

Въ основѣ своей словою „цѣловаться“ означаетъ совершенно то же, что и „здороваться“, т. е. пожеланіе быть цѣлымъ, здоровымъ, и это основное пожеланіе мы встрѣчаемъ и въ другихъ формахъ при иныхъ обрядахъ, сопровождающихъ Пасху...

Обычай христосованья очень древній, о немъ упоминаетъ еще Іоаннъ Златоустъ, жившій въ V вѣкѣ. Значительно позднѣе, именно въ XVIII вѣкѣ, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, защищая этотъ обычай отъ осужденія со стороны католиковъ, между прочимъ писалъ: „Потому совершается у насъ цѣлованіе въ день Свѣтлага Христова Воскресенія, что онъ есть знакъ мира и братства; а Господь Спаситель, воскресши изъ мертвыхъ, на первый разъ ничего другого не

сказалъ ученикамъ своимъ, какъ только „миръ вамъ“...

И обычай этотъ, нѣсколько утративъ свое первоначальное значеніе, продолжаетъ цѣлыя столѣтія крѣпко держаться среди православныхъ.

Христосованье начинается послѣ того, какъ священникъ выйдетъ изъ алтаря и обратится въ первый разъ къ молящимся съ привѣтствіемъ „Христось воскресе!“. Съ этого же момента начинаютъ христосующіеся и обмѣниваться крашеными яйцами.

Обычай этотъ—чрезвычайно древній и принадлежитъ къ числу т. наз. международныхъ. Мы встрѣчаемъ его между прочимъ у черкесовъ-магометанъ на ихъ праздникѣ „Кутишь“ и въ Японіи—на Новый годъ.

Въ среду христіанъ обычай этотъ былъ внесенъ, по преданію, Маріей Магдалиной, которая, представъ предъ римскимъ императоромъ Тиверіемъ, поднесла ему въ даръ красное яйцо съ привѣтствіемъ „Христось воскресе!“ и съ этихъ словъ начала свою проповѣдь. Согласно легендѣ, сохранившейся въ польскомъ народѣ, когда Марія Магдалина рыдала у опустѣвшаго гроба Спасителя, явился къ ней ангелъ и сообщилъ о воскресеніи. Обрадованная, она побѣжала домой и тамъ увидела, что всѣ бывший у нея яйца окра-

сились въ красный цвѣтъ. Она взяла ихъ, вышла на улицу и, сообщая встрѣтившимся апостоламъ радостную вѣсть, начала раздавать имъ красныя яйца. Едва тѣ взяли ихъ въ руки, какъ изъ яицъ вылетѣли птички. Въ Сѣдлецкой губ. существуетъ преданіе, что, когда Иисуса Христа вели на Голгоѳу, одинъ бѣднякъ, несшій въ городъ нѣсколько яицъ, поставилъ корзину и помогъ Спасителю нести крестъ, а когда вернулся за корзиной, увидаль, что всѣ бывшія въ ней яйца обратились въ „крашанки“ и „писанки“. По другому преданію, сохранившемуся въ Сѣдлецкой губ., „писанки“, т. е. раскрашенныя яйца, получались изъ камней, которыми былъ побитъ св. Стефанъ (1).

Яйцо вообще древній символъ возрожденія. Оно одновременно и гробъ, и источникъ жизни, возрождающейя въ этомъ самомъ хранилищѣ чего-то безжизненнаго, мертваго. Подъ вліяніемъ тепла откуда-то появляется жизнь, и изъ чего-то бездушнаго выходитъ живое существо. То же самое представляетъ собою весной природа. Все мертво, все сковано холодомъ, все пустынно... И вотъ подъ вліяніемъ тепла, послѣ весенняго солнцеворота, въ безжизненномъ мірѣ начинается проявленіе жизни: начинаютъ распу-

скаются почки, откуда-то появляются наскѣкомья, спавшія зимой животныя и звѣри просыпаются, и т. п. и т. п.

Въ христіанскомъ мірѣ этотъ символъ возрожденія природы, символъ начала новой жизни, плодородія былъ перенесенъ на духовное возрожденіе человѣчества—чрезъ крестныя страданія, смерть и воскресеніе Христа. Окрашиваніе красной краской означаетъ приэтомъ возрожденіе человѣчества кровью Іисуса Христа.

Въ древней Руси, какъ и теперь, обычай обмѣниваться на Пасху крашеными яйцами былъ всеобщимъ, причемъ духовенство, знатные люди, купцы, торговые иноземцы и вообще разныхъ чиновъ люди допускались лично приносить царю поздравленія съ свѣтлымъ праздникомъ; многихъ царь одѣлялъ яйцами и допускалъ „къ рукѣ“. По дворцовымъ счетамъ, иногда за время отъ Пасхи до Вознесенья, пока можно было христосоваться, царемъ раздавалось чуть не 40 тыс. яицъ. Поздравлявшіе царя приэтомъ съ своей стороны подносили ему свои дары, преимущественно червонцы, но нерѣдко соболей, различные товары, заморскія диковинки въ родѣ часовъ и т. п.

Теперь въ высшихъ и среднихъ кругахъ русскаго общества установился

обычай вообще дарить что-нибудь на Пасху своимъ близкимъ, причемъ настоящія яйца замѣнились сахарными, хрустальными, фарфоровыми, различными бомбоньерками и цвѣточными корзинками въ видѣ яицъ, наконецъ открытыми письмами и т. д., и т. д. Простому же народу доступнѣе всего куриныя яйца, которыя онъ и продолжаетъ по прежнему красить къ Пасхѣ, разнообразя лишь ихъ цвѣтъ.

На Волгѣ по монастырямъ монахи-ни мѣстами готовятъ облитыя воскомъ яйца съ мишурой, обвитой очень искусными узорами. Бѣлоруссы по большей части знаютъ только „крашанки“, зато малороссы отчасти Украйны, а главнымъ образомъ Сѣдлецкой, Люблинской, Волынской и Подольской губерній, равно какъ и въ Галиціи (Покутье) и поляки Ломжинской и Люблинской губ. прославились художественностью раскраски пасхальныхъ яицъ и различными узорами, и различными красками на одномъ и томъ же яйцѣ. Малорусскія и польскія „писанки“, называемыя также „писками“, „скробанками“ или „рисованками“, заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться намъ нѣсколько подробнѣе.

Первое упоминаніе о крашеныхъ яйцахъ въ Польшѣ встрѣчается въ

хроникъ краковскаго епископа Кадлубка (нач. XIII в.), который, упрекая поляковъ въ непостоянствѣ, говоритъ, что они по отношенію къ своимъ государямъ издавна были завистливы, непостоянны и играли ими, какъ „крашеными яйцами“ (1).

Раскрашиваніемъ писанокъ занимаются рѣдко мальчики, преимущественно же молодыя женщины и особенно дѣвушки, старающіяся перешеголять въ этомъ одна другую. Въ Галиціи (въ окрестностяхъ Коломыи) этимъ занимаются уже специализировавшіяся въ своемъ искусствѣ дѣвушки, которымъ другія приносятъ яйца для расписыванія, причемъ платятъ за это или яйцами же, или деньгами (6).

Способъ приготовленія ихъ заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего на бѣломъ яйцѣ особымъ инструментомъ („писка“, „писакъ“, „хвачикъ“), которымъ иногда служатъ длинная булавка, соломинка, иголка съ обломаннымъ ушкомъ (1), „пишутся“ воскомъ линіи и черточки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны остаться бѣлыми, и затѣмъ яйца опускаются въ отваръ изъ коры яблони. Получается желтый фонъ или грунтъ, безъ котораго нельзя наложить никакого другого цвѣта.

Вынувъ яйцо изъ этого отвара, „художница“ накладываетъ новыя воско-

выя линіи и черточки и опускаетъ яйцо въ красную краску. Приготавливаются кромѣ того такъ называемыя „мученыя“ писанки, которыя опускаются въ третью краску, преимущественно черную, чтобы придать имъ болѣе печальный или мрачный оттѣнокъ.

Краски получаютъ преимущественно изъ растений. Красная и черная краска получаютъ изъ черного и красного сандала (brazelja), желтая—кромѣ отвара изъ яблонной коры—получается также изъ отвара изъ луковичныхъ перьевъ, изъ коры сливового дерева, изъ сухихъ листьевъ яблони, или изъ болотнаго бѣлокрыльника; синяя—изъ кожуры черныхъ подсолнечниковъ, фіолетовая—изъ листьевъ темной мальвы, оранжевая—изъ дикаго шафрана, зеленая—изъ смѣшенія синей и желтой красокъ или изъ сухихъ листьевъ березы, листьевъ омеги, молодой ржи и изъ осоки съ квасцами.

Что касается рисунковъ, то они очень разнообразны и представляютъ собой самыя различныя комбинаціи кривыхъ, волнистыхъ и прямыхъ линій, концентрическихъ круговъ, заштрихованныхъ треугольниковъ, паутинокъ, цвѣтковъ, вѣтокъ, „елочекъ“, листиковъ и т. д. и т. д. Эти комбинаціи встрѣчаются всюду и, подобно вы-

шивкамъ, различаются своими названіями. Въ Галиціи кромѣ того имѣются особыя, такъ сказать „стилевыя“ писанки, а именно: „церковци“— изображающія различной формы кресты, раскрашенные въ византійскомъ стилѣ и съ большимъ вкусомъ; изъ этихъ „церковецъ“ выдѣляются „гуцулки“ съ 8-конечными крестами, чаще всего встрѣчающіяся у гуцуловъ, отъ которыхъ и получили свое названіе; „волошками“ называются писанки, разрисованныя въ мавританскомъ стилѣ; на нѣкоторыхъ изображены розетки (звѣздочки) и топорики, притомъ послѣдніе—очень древняго образца, не встрѣчающагося въ современномъ обиходѣ малоросса (6).

У поляковъ имѣются яйца, расписанныя „въ яблущка“, т. е. съ изображеніемъ разрѣзаннаго пополамъ яблока и зернышекъ въ немъ, „въ колокольчики“ („въ дзвонечки“) — съ изображеніемъ извѣстнаго полевого цвѣтка, „въ сосѣнки“, „въ тополь“, „въ куринныя лапки“, „въ пѣтушки“ („въ когутики“) и т. п. (1)

Въ Польшѣ до XIII вѣка писанки были распространены вездѣ, теперь же, какъ отмѣчено выше, онѣ встрѣчаются лишь въ Ломжинской и Люблинской губ. Изъ другихъ славянскихъ народовъ расписываніе пасхальныхъ

яиць практикуется главнымъ образомъ у чеховъ и моравовъ. *)

Крутыя вареныя яйца составляютъ необходимую принадлежность пасхальнаго стола, который обязательно устраивается всѣми славянами въ Россіи, какъ богатыми, такъ и бѣдными, различаясь лишь обиліемъ яствъ и питей. Приэтомъ у мазуровъ Варшавской губ. обращаютъ вниманіе на то, сколько окажется на столѣ освященныхъ яиць; если число получится четное („parzyste“), то дѣвушка, находящаяся въ домѣ, въ этотъ годъ найдетъ себѣ пару, т. е. выйдетъ замужъ.

При убранствѣ стола у великоросовъ хозяйки главное вниманіе обращаютъ на пасхи въ видѣ пирамидокъ изъ творога и на куличи, тѣсто для которыхъ должно быть и нѣжно, и сладко, и самые куличи высокіе и прямые. Самыя разнообразныя пасхи, заварныя, сырыя, съ миндалемъ, фисташками, ванилью и т. п., хорошо удавшіяся, составляютъ гордость хозяекъ, точно такъ же, какъ и куличи.

*) Писанки произвели большой фуроръ на выставкахъ въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. На провинціальной выставкѣ въ Коломыѣ была представлена коллекція въ 800 писанокъ самыхъ различныхъ рисунковъ и цвѣтовъ (6).

У малороссовъ пасхи изъ творогу не дѣлается и пасхой называется то, что у великороссовъ—куличъ, творогъ же входитъ въ составъ убранства стола, но въ видѣ „плесканки“, т. е. облигаго яичнымъ желткомъ творога въ мискѣ.

Самое печеніе пасхи (изъ тѣста) представляется у малороссовъ и поляковъ чрезвычайно серьезнымъ дѣломъ. Пока пасха находится въ печкѣ, всѣ въ домѣ должны стоять, иначе „сядетъ пасха“. У русинъ въ Испасѣ (Галиція, близъ Коломыи) хозяйка, посадивъ въ печь пасхи, трижды креститъ лопатой чело печи и произноситъ молитву: „Во мня (имя) —ца (Отца), Сына и Свѣтлаго Духа, пасха въ горѣ, а пичь въ долинѣ“. Для каждаго изъ членовъ семьи готовится отдѣльная пасха, причемъ обращается вниманіе, благополучно ли всѣ онѣ испеклись: существуетъ повѣрье, что, чья пасха распадется, тотъ въ данномъ году умретъ ⁽⁶⁾.

Приготовленныя къ первому дню Свѣтлаго праздника кушанья должны быть обязательно освящены, если не всѣ (какъ въ Малороссіи или отчасти у поляковъ), то хотя большая часть ихъ (у великороссовъ). Въ Малороссіи помѣщики привозятъ въ церковь цѣлые сундуки всякой всячины, а крестья-

яне—большихъ или меньшихъ размѣровъ корытца или ночевы.

Освященіе совершается или до заутрени, или—чаще—по окончаніи пасхальнаго богослуженія. Для этого въ селахъ въ хорошую погоду за церковной оградой, на погостѣ, уставляются длинными рядами пасхи и куличи съ зажженными свѣчами, причемъ получается чудная, величественная картина. Въ Польшѣ освященіе совершается въ костелѣ или, чаще, во дворахъ болѣе уважаемыхъ и богатыхъ сельянъ или у помѣщиковъ, куда прочіе приносятъ яйца, куличи (бабы) и пр. и куда пріѣзжаетъ затѣмъ ксендзь.

По окончаніи освященія въ Малороссіи и Бѣлороссіи, а иногда также въ Польшѣ всѣ стараются скорѣе захватить свое „священное“ („священное“ или „свянцоне“) и, какъ въ другихъ мѣстахъ со свѣчами, такъ тутъ съ куличами и пасхами бѣгутъ домой, стараясь обогнать другъ друга, такъ какъ, по существующему повѣрью, кто раньше придетъ домой и разговѣется, тотъ принесетъ съ собой больше благодати.

Перегонка устраивается не только между пѣшими богомольцами, но и пріѣхавшими въ бричкахъ и телѣгахъ, причемъ нерѣдко и богомольцы, и освященные пасхи и окорока и т. п. ока-

зываются на землѣ, а почти всегда — все привозится и приносится домой въ мятомъ видѣ. Въ Холмщинѣ рассказываютъ, что одинъ изъ крестьянъ, обгоняя сосѣдей, опрокинулъ телѣгу, причемъ въ жидкую грязь упалъ, между прочимъ, и лежавшій въ телѣгѣ освященный свиной окорокъ. Огорченный этимъ крестьянинъ воскликнулъ: „Якъ-то завсюды свиня до болота!“ — поднялся съ возомъ и опять погналъ лошадь впередъ...

У поляковъ обычай обгонять другихъ съ „święconem“ существуетъ среди мазуровъ (въ Варшавской, Калишской и Петроковской губ.), и въ Кѣлецкой губ., въ другихъ же мѣстахъ, равно въ Великороссіи, возвращеніе изъ храма происходитъ съ большой степенностью и сосредоточенностью.

По возвращеніи домой хозяинъ въ Малороссіи и Холмщинѣ, а также и въ Галицкой Руси, обноситъ пасху вокругъ хаты и затѣмъ уже входитъ съ ней внутрь. Обратившись лицомъ къ иконамъ, онъ разрѣзаетъ нѣсколько яицъ на части и раздаетъ послѣднія между членами семьи, говоря: „Дай Боже ще на той рикъ дочекаты свитлого праздника Воскресенія Христова въ щастіи и здоровьи“. Въ Галицкой Руси даютъ кусочки яйца прямо съ

ножа, чтобы лихорадка („февра“) „ся такъ не взелà до хрестинына, якъ ся ничо не бере до зелиза“. Въ Бѣлорусіи большею частью принято дѣлить одно яйцо на части по числу членовъ семьи, разговляющихся въ данный моментъ. Подобный же обычай существуетъ и у поляковъ, причемъ кусочки освященнаго яйца раздаются или предлагаются всѣмъ, кто считается роднымъ или близкимъ къ хозяевамъ. Приэтомъ высказываются пожеланія здоровья, благополучія, успѣховъ и т. п., и т. п. Минута эта считается весьма торжественной и смѣяться не разрѣшается. По мнѣнію малороссовъ, если кто смѣется во время розговѣнья, то, значитъ, дьяволъ ходитъ въ золотой шапочкѣ-невидимкѣ.

Съ освященными пасхами, яйцами и др. пасхальными кушаньями предписывается вообще обращаться очень осторожно, чтобы никакое животное не могло съѣсть даже крошекъ, нечаянно упавшихъ на полъ. Въ Холмщинѣ эти крошки и остатки отъ яицъ, а также и кости, сжигаются, или же мѣстами выносятся на огороды, гдѣ зарываются въ гряды, или на границы полей, а въ Галиціи—бросаются въ проточную воду. Нѣкоторые изъ малороссовъ святятъ яйца безъ кожуры, чтобы освященная кожа не попала

на полъ и не была растоптана ногами. У поляковъ существуетъ повѣрье, что, если куры поклюютъ освященныхъ яицъ или крошекъ, то будутъ пѣть по-пѣтушиному, а нести перестанутъ⁽³⁾. Въ Кѣлецкой губ., равно въ Сандомирскомъ округѣ и на Подляшѣ кости тщательно собираются и закапываются въ полъ для охраны отъ буръ и градобитій⁽⁴⁾. Умываясь послѣ розговѣнья, малороссы также наблюдаютъ величайшую осторожность и сливаютъ воду съ рукъ или на огонь, или въ прудъ. По существующему у нихъ повѣрью, если мышь съѣстъ хотя малѣйшую крошку „свяченого“, то немедленно обращается въ летучую мышь (казань, кажань). Наоборотъ сельяне близъ Львова считаютъ своимъ долгомъ дать хоть немного „свяченого“ всѣмъ домашнимъ животнымъ, чтобы „Христось помнилъ и о скотинкѣ у крестьянина“.

По мнѣнiю этнологовъ, „święcone“ или „свяченное“ указываетъ отчасти на тѣ жертвы и дары, которые приносились богамъ весною язычниками, и на тѣ пиры, которые устраивались во время весеннихъ празднествъ.

Послѣднее сохранилось въ христіанскомъ мiрѣ въ видѣ обычая, согласно которому почти вездѣ считается необходимымъ убрать пасхальный столъ

какъ можно обильнѣе. Среди крестьянъ въ Россіи это особенно въ ходу у малороссовъ на Украинѣ и въ Холмщинѣ, причемъ готовятся крупные куски телятины, вареные и копченые свиные окорока, различные колбасы и т. д., и т. д. У поляковъ-крестьянъ столы убираются значительно скромнѣе, мѣстами даже совсѣмъ бѣдно, какъ и у великороссовъ, но зато въ среднихъ и высшихъ кругахъ они буквально ломятся отъ тяжести яствъ и пійей.

Въ этомъ отношеніи интересно приведенное у Голембiовскаго описаніе пасхальнаго стола у кн. Сапѣги въ XVII вѣкѣ.

„На самой срединѣ стола ягненокъ, изображающій Агнца Божія, съ хоругвью, весь съ фисташками; это лакомство подавалось только дамамъ, высшимъ сановникамъ и духовенству. Затѣмъ стояли 4 огромныхъ дикихъ кабана, по числу временъ года; каждый кабанъ состоялъ изъ ветчины, колбасъ и поросятъ. Наконецъ поставлены были 12 оленей, также изжаренные цѣликомъ съ золоченными рогами, удивительно красивые, начиненные различной дичью: зайцами, тетеревами, дрофами. Олени эти изображали 12 мѣсяцевъ. Вокругъ были разложены громадныя пироги (ciasta), по числу недѣль въ году, т. е. 52 шт. За

ними было 365 бабокъ, т. е. столько сколько дней въ году. Все было разукрашено надписями, цвѣтами, такъ что не одинъ изъ присутствовавшихъ только читалъ, а ничего почти не ѣлъ. Что касается питій (bibendy), то были четыре большихъ кубка (puhar), по числу временъ года, наполненные виномъ; затѣмъ 12 серебряныхъ кувшиновъ, тоже съ виномъ, изображавшіе 12 мѣсяцевъ. Далѣе — 52 малыхъ серебряныхъ боченка (bagutki), по числу 52 недѣль, съ виномъ кипрскимъ, испанскимъ и итальянскимъ; затѣмъ 365 графиновъ съ венгерскимъ виномъ, т. е. столько же, сколько дней въ году, и наконецъ 8760 квартъ меду, изготовленнаго въ Березѣ, по числу часовъ въ году, предназначенныя для дворовой челяди“.

Интересно также описаніе стола у краковскаго мѣщанина Николая Хроберскаго.

„На кругломъ столѣ, за которымъ могло бы помѣститься до 100 чел., покрытомъ накрестъ сшитыми скатертями, стояли на 6 серебряныхъ мисахъ свинина, копченые окорока, а на другихъ 6 мисахъ — два поросенка, дивно ароматныя колбасы, убранныя рядами освященныхъ, раскрашенныхъ въ разный цвѣтъ яйцами, преимущественно красный. Изъ лучшаго тѣста были из-

готовлены фигурки, изображавшія удивительно забавныя сцены. Напримѣръ, Пилать вытаскивалъ колбаску изъ кармана Магомета. Посрединѣ стола находился прелестный ягненокъ изъ масла, почти въ натуральную величину; но я, — говоритъ авторъ описанія Пшонка, — за весь столъ взялъ бы только глаза ягненка: это были настоящіе брилліанты, въ черной оправѣ, величиной съ лѣсной орѣхъ, — два перстня, вложенные въ масло“... Среди различнаго печенья обращалъ на себя вниманіе „колачъ имѣвшій въ окружности 8 локтей, если не больше... По краямъ вокругъ него стояли различныя фигурки; святыя 12 апостоловъ, изображенные какъ живые, и все изъ тѣста. Забавный былъ Иуда... съ рыжими усами и съ шафрановаго цвѣта лицомъ. Посрединѣ стоялъ Господь Иисусъ Христосъ съ хоругвью, а надъ Нимъ поднимался ангель, какъ бы летавшій по небу, причемъ изъ устъ его исходили слова: „Resurrexit sicut dixit, Alleluja!“ („Воскресъ, какъ сказалъ, Аллилуя“). Изъ „пляцковъ“ интересенъ былъ одинъ, „на срединѣ котораго былъ устроенъ прудъ изъ бѣлаго меда, а изъ него выглядывали рыбки и купавшіяся нимфы. Амуръ стрѣлялъ въ нихъ изъ лука, но вмѣсто сердца, проказникъ--прости Господи--мѣтился

прямо въ чудные глазки, которые онѣ закрывали отъ стыда руками. Работа была очень искусная“,—говорить авторь...

Много уже вѣковъ прошло, а описанные пасхальные обычаи продолжаютъ существовать, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, иногда лишь нѣсколько видоизмѣняясь сообразно съ мѣстомъ и эпохой. Пишущему эти строки удалось между прочимъ подмѣтить подобное видоизмѣненіе.

Хозяйка, жившая раньше на Волгѣ, гдѣ къ освященію крашеня яйца посылаются въ скорлупѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ переселилась въ центрѣ Малороссіи, а затѣмъ одну пасху встрѣчала въ Варшавѣ. Совершенно безсознательно, исключительно подчиняясь обычаю, господствующему среди малороссовъ, она отправила въ церковь яйца для освященія — облупленные, безъ кожуры.

И подобныхъ фактовъ можно наблюдать очень много.

Пасхальныя игры и увеселенія.

Съ пасхальными днями связанъ цѣ-
лый рядъ игръ и увеселеній, представ-
ляющихъ собою отзвукъ или оста-
токъ языческихъ игрищъ и начинаю-
щихъ циклъ весеннихъ празднествъ,
которыя у славянъ продолжаются до
Троицына дня.

Прежде всего необходимо указать
на хороводы и разныя хороводныя пѣ-
сни и игры, которыя начинаются съ
Свѣтлаго Воскресенья у всѣхъ сла-
вянъ Россіи. Приэтомъ интересно от-
мѣтить, что у малороссовъ Холмщины
и Галицкой Руси дѣвушки ведутъ свои
игры отдѣльно отъ парубковъ, и по-
слѣдніе или играютъ самостоятельно,
или же только мѣшаютъ дѣвушкамъ.
На Украинѣ хороводы бываютъ и об-
щіе.

Русскіе хороводы столь же древни,
сколь представляется древней и жизнь
русскаго народа. Исторія ихъ хранит-
ся въ преданіяхъ, но первоначальное
значеніе очень темно.

Русскіе хороводы доступны всѣмъ
возрастамъ. Въ нихъ, по словамъ Саха-
рова, равно принимаютъ участіе дѣву-
шки и женщины, юноши и старики. Мѣ-
ста, гдѣ устраиваются народныя хоро-

воды, получили во многихъ мѣстностяхъ особенныя названія; этими мѣстами служатъ берега рѣкъ и озеръ, луга, погосты и кладбища, огороды и дворы. На однихъ мѣстахъ бывають хороводы праздничные, на другихъ — обыкновенные.

Праздничные хороводы оказываются одновременно и самыми древними; съ ними соединены воспоминанія о прошлыхъ, незапамятныхъ дняхъ народныхъ празднествъ. Къ нимъ поселяне и горожане готовятся заранѣе, сзываютъ дальнихъ гостей.. Женщины и дѣвушки одѣваются въ лучшіе наряды, изъ мірской складчины приобрѣтають платокъ и коты (башмаки) для т. наз. „хороводницы“.

Хороводница учитъ дѣвушекъ пѣснямъ и играмъ; она является хранительницей и передатчицей преданій глубокой родной старины, которая такъ дорога человѣку и которая представляется ему всегда какой-то особенно хорошей, счастливой, во всякомъ случаѣ — лучшей, чѣмъ его современность...

Мужчины на сельскихъ хороводахъ представляютъ гостей, призванныхъ раздѣлять веселье и радости. Молодые парни приглашаются къ участию въ играхъ съ дѣвушками лишь самими хороводницами. Въ городскихъ хоро-

водахъ, устраиваемыхъ на дворахъ и площадяхъ, мужчины участвуютъ рѣдко; тамъ можно видѣть братцевъ и родныхъ, будущихъ суженыхъ, которые такимъ образомъ заранее сближаются со своими подругами жизни.

Въ болѣе значительныхъ городахъ устраиваются народныя гулянья на особо отводимыхъ мѣстахъ; хороводовъ тамъ нѣтъ, но есть балаганы, качели, карусели и т. п. развлечения и увеселенія. Такія качели и карусели устраиваются и по деревнямъ, напр. въ Холмщинѣ или у мазуровъ (1).

Въ этихъ случаяхъ устройство качелей и каруселей крайне просто. Для первыхъ берутся семь толстыхъ жердей, изъ которыхъ шесть связываются въ видѣ двухъ треножныхъ козелъ, а седьмая кладется поперекъ, и къ ней привязываются веревки, раньше замѣнявшіяся даже простымъ лыкомъ. Для карусели употреблялось старое колесо, насаженное на вбитый въ землю колъ, и къ нему привязывались жерди. У поляковъ это называлось „кобылицей“ (1).

Затѣмъ въ большомъ ходу разныя игры съ крашеными яйцами. У великороссовъ больше всего занимаются катаньемъ яицъ съ холмовъ или по особымъ желобкамъ, устанавливаемымъ съ нѣкоторымъ наклономъ. Скатыва-

ющееся яйцо должно попасть въ одно изъ разставленныхъ въ рядъ яицъ, принадлежащихъ другимъ игрокамъ; такимъ образомъ опредѣляется выигрышь или проигрышь. Въ прежнія времена этой игрѣ съ увлеченіемъ предавались и цари съ царицами. Та же игра практикуется и въ Бѣлоруссіи...

У бѣлоруссовъ и малороссовъ, а отчасти въ Великороссіи и Польшѣ развита игра, въ которой двое участвующихъ ударяютъ яйцо объ яйцо острымъ концомъ; разбитое дѣлается собственностью обладателя болѣе крѣпкаго яйца. Бѣлоруссы очень довольны, когда дѣти ихъ выигрываютъ. Между прочимъ одинъ изъ этнографовъ-собрателей сообщаетъ, какъ крестьяне хвалятся: „А слышалъ кумъ, какое счастье выпало моему Александру? Полкопы яицъ выбилъ!“

Въ Холмщинѣ нѣкоторые изъ проказниковъ-парней окрашиваютъ сырыя яйца и бьются ими, причемъ, разумѣется, сырое яйцо разбивается скорѣе и вся жидкая масса изъ него выливается на руки противника (1).

Игра эта, несомнѣнно, древняго происхожденія, и объ ней упоминается уже въ хроникѣ краковскаго епископа Кадлубка (нач. XIII в.) (1).

Съ Свѣтлымъ понедѣльникомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди вели-

короссовъ и малороссовъ связано христосованіе съ покойниками. Такъ, между прочимъ, въ Тулѣ идутъ жители на кладбища похристосоваться со своими и погоревать о собственномъ житьѣ-бытьѣ. Въ старину ходили на могилки цѣлыми семьями и пировали тамъ до вечера. Тутъ и до сихъ поръ вдовушки, помышляющія о замужествѣ, часто находятъ себѣ жениховъ ⁽⁹⁾.

Въ Галицкой Руси ходятъ на могилки въ понедѣльникъ не вездѣ. Кто устраиваетъ тамъ такія „поминки“, тотъ приноситъ обыкновенно съ собой нѣсколько „перепичекъ“ (родъ „пляцекъ“) изъ пшеничной муки съ творогомъ или безъ него, писанки и зажигаетъ свѣчу. Священникъ обходитъ могилки и служитъ краткія панихиды ⁽⁶⁾.

Близъ Львова поминки перенесены на третій день Свѣтлаго праздника. Всѣ послѣ богослуженія въ церкви отправляются на могилы своихъ родныхъ и знакомыхъ, неся кое-что изъ сѣстного и кусочекъ освященнаго яйца; послѣдній зарывается на могилѣ, причемъ родственники молятся, чтобы Христось освободилъ души умершихъ изъ власти нечистой силы („отъ мукъ чартовскихъ“). Послѣ это-

го религиознаго обряда начинается игрище, въ родѣ т. наз. „кулиша“ или „пляски мертвыхъ“. Дѣвушки, устроивъ большой хороводъ, поютъ и приплясываютъ. Парни, увидавъ, что дѣвушки кружатся уже довольно быстро, подбѣгаютъ и разбиваютъ хороводъ. Дѣвушки разбѣгаются въ разныя стороны, парни ихъ ловятъ и та дѣвушка, которую поймаютъ раньше другихъ, должна всѣхъ парней перецѣловать. Это называется „поцѣлуй покойниковъ“.

На Полѣсьѣ христосованье съ покойниками происходитъ въ Свѣтлый четвергъ. Съ разсвѣтомъ женщины начинаютъ уже готовиться къ пути на кладбище, одѣваются во все бѣлое, берутъ съ собой спрятанные умышленно остатки отъ „свяченнаго“ и длинной вереницей направляются изъ деревни къ могилкамъ. Когда солнце всходитъ, все кладбище обыкновенно уже полно бѣлыхъ женскихъ фигуръ, съ большимъ трудомъ разыскивающихъ могилы своихъ родныхъ. Покрывши, наконецъ, могильные холмики скатертями и положивъ на нихъ калачъ, яйца, сыръ, колбасу и бутылочку водки, женщины садятся кучками близъ могилки и начинаютъ причитывать. Получается впечатлѣнiе то слабѣющаго, то вновь усиливающагося

стона, несущагося надъ всѣмъ кладбищемъ. Наконецъ, одна изъ женщинъ встаетъ, наливаетъ чарку водки, дѣлаетъ крестное знаменіе и говоритъ: „Пью за тебя (называетъ дочь, мать, сына, отца, мужа и т. п.), чтобы ты зналъ, что мнѣ ничего не жаль для тебя, и дай Богъ, чтобы солнышко свѣтило тебѣ!“ Съ этими словами чарка выливается на песокъ могилки, и начинается разговоръ съ покойникомъ: разламывая на куски калачъ, спрашиваютъ, помнитъ ли покойникъ загонъ, и рассказываютъ объ ожидаемомъ урожаѣ; взявъ въ руки сыръ, припоминаютъ покойнику о коровахъ, о бычкахъ и волахъ, и т. д., пользуясь каждымъ предметомъ для разговора съ умершимъ собесѣдникомъ. Затѣмъ группы начинаютъ сходиться вмѣстѣ, содержаніе разговоровъ мѣняется, среди могиль толкуютъ о предстоящихъ свадьбахъ и пирушкахъ, наконецъ раздаются и веселыя пѣсни. Возвращеніе вечеромъ уже совершенно не похоже на шествіе рано утромъ ⁽¹⁾.

Подобнымъ же образомъ въ концѣ недѣли устраивается бесѣда съ покойниками на могилкахъ и въ Виленской губерніи ⁽¹⁾.

На Украинѣ у малороссовъ обычай поминать покойниковъ перенесенъ еще дальше: на понедѣльникъ Ооми-

ной недѣли и называется проводами, „Нашъ Великдень отходить,—що осталось въ насъ, треба дати имъ, помершимъ“—говорятъ они. Наканунѣ крестьяне убираютъ свои хаты и приготавливаютъ „книши“, *) сыръ, масло и т. п. Все завязывается въ два узелка, изъ которыхъ одинъ предназначается для духовенства, а другой для семьи. По окончаніи литургіи въ церкви служится общая панихида, послѣ которой въ притворѣ или подъ открытымъ небомъ близъ церкви, а иногда и на кладбищѣ, устраивается общая заупокойная трапеза. Послѣ нея всѣ идутъ на могилы и тамъ кладутъ три—четыре яйца. Отслушавъ частную панихиду, „господарь“ разбиваетъ эти яйца о могильный крестъ и отдаетъ ихъ нищему (старцу), приговаривая:

Помолись, дидуню,
За умершаго татуня,
За умершую матуню,
И за сеструню.

Приэтомъ онъ сообщаетъ „диду“ имена своихъ умершихъ родственниковъ. Затѣмъ семейство съ родными садится въ кругъ на родныхъ могилахъ. Глава семейства приговариваетъ: „туть моя родынонька, тутъ моя

*) Изъ тѣста съ лукомъ; употребляются преимущественно на поминкахъ.

маты, тутъ хутко буду и я спочываты“ — и выбрасываетъ на могилу часть скорлупокъ и косточекъ свяченаго; въ могилу бросаютъ „свяченную“ соль, обчерчиваютъ могилу „свяченнымъ“ мѣломъ и выливаютъ рюмку водки, приговаривая: „ижте, пийте, вырывайте и насъ гришнихъ спомынайте“. Послѣ этого каждый членъ семейства наливаетъ полную рюмку водки и выпиваетъ до дна, приговаривая: „дай намъ, Боже, добре проживаты цей рикъ и на пришлый въ добримъ части пануваты, а умершимъ царства Божого дочекаты“.

Въ другихъ мѣстахъ на могилахъ христосуются съ умершими, бросаютъ яйца и говорятъ: „святый родытели, ходите до насъ хлиба й соли исты“, затѣмъ усаживаются на могилахъ и закусываютъ. Послѣ закуски, обращаясь къ умершимъ роднымъ, говорятъ: „наши риднякы, не поминайте лыхомъ! чимъ хата богата, тымъ и рада“...

Подобно тому, какъ и близъ Львова, устраиваются здѣсь послѣ этого хороводы, но только уже не молодежью, а замужними женщинами и даже старухами; поэтому праздникъ этотъ называется также „бабськымы проводамы“ (11).

Обычай этомъ является несомнѣннымъ остаткомъ сѣдойстарины, воспоминаніемъ культа предковъ, слѣды котораго сохраняются у очень многихъ народовъ и пріурочиваются или пріурочивались также къ весеннему времени. Въ древнемъ Иранѣ вѣрили, что души умершихъ, какъ и вся остальная природа, пробуждаются весною, и это вѣрованіе даетъ объясненіе всему вышешприведенному.

На второй день Пасхи и даже съ вечера перваго въ Бѣлоруссіи ходятъ „волочебники“, а въ Малороссіи — „волочинники“ съ поздравленіями къ богатымъ селянамъ прихода. Собирается обыкновенно партія записныхъ любителей волочебничанья, весельчаковъ, небогатыхъ крестьянъ, отъ 8 даже до 30 чел., съ „починальщикомъ“ и „миханожицемъ“ во главѣ. На обязанности перваго лежитъ вмѣстѣ со „скрипачами“ начинать пѣсню, которую подхватываютъ остальные, а второй, обыкновенно физически сильный паренъ, долженъ таскать мѣшокъ съ получаемыми дарами, каковыми служатъ пироги, мясо, яйца, сыръ и т. п.

„Волочебныя“ или „вяликодныя“ пѣсни весьма рѣзко отличаются отъ прочихъ обрядовыхъ пѣсенъ своимъ религіозно-бытовымъ содержаніемъ, въ которомъ очень наглядно отражаются

наивныя вѣрованія бѣлорусскихъ крестьянъ въ участіе высшихъ силъ при ихъ сельскохозяйственныхъ работахъ. Эти пѣсни-легенды, по словамъ Шейна, составляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ отдѣловъ бѣлорусскаго народнаго творчества. Ни въ какихъ другихъ пѣсняхъ мы не встрѣчаемъ такого систематическаго раздѣленія и распредѣленія труда въ процессѣ произрастанія злаковъ, плодородія и охраненія полей между всѣми святыми православной церкви, которые извѣстны крестьянину, такого яркаго, хотя и крайне сжатаго изображенія этихъ святыхъ—не только со всѣми добродѣтелями и слабостями простыхъ смертныхъ, но даже съ довольно замѣтнымъ отбѣнкомъ крѣпостничества и патріархальнаго панства (10).

Вотъ эта именно черта волочечныхъ пѣсенъ и дорога для насъ, какъ указаніе на ихъ болѣе древнее происхожденіе, на отголоски въ нихъ глубокой старины.

Народъ бѣлорусскій въ общемъ любитъ волочечниковъ и ждетъ ихъ прихода, такъ какъ между ихъ прибытіемъ и состояніемъ полевыхъ работъ и даже самой природы существуетъ какая-то таинственная связь. Напримеръ, если во время прихода волочечниковъ въ деревню на дворѣ тихо,

нѣтъ дождя, ночь ясная, то это вѣрный знакъ, что урожай будетъ хорошій, особенно же прибыльна и успѣшна будетъ уборка хлѣба. Но если, къ несчастью, только что волочобники затянули свой „лалынъ“, а тутъ дождь, — не жди мужикъ добра: будутъ дожди и около Егорья, и около Николина дня, и около Петрова и Ильина дня, и въ Спасовки; еще хлѣбъ—такъ и сякъ, а сѣно—пиши пропало!... (10)

Если хозяинъ принимаетъ волочобниковъ (мѣстами ихъ называютъ также „лалынщиками“, т. е. аллилуйщиками“ „ралѣшниками“ т. е. „раѣшниками“ или „кукольниками“) въ своемъ домѣ, то они послѣ угощенія поютъ особое привѣтствіе съ пожеланіемъ: „бувай здоровъ съ ѹсимвъ дворомъ и съ ѹсей своей семейкою и зъ дѣтками дробненькими; бувай здоровъ, май сто коровъ; пыживешь болій, будишь мать сто коній“. Если же хозяинъ окажется скупымъ, то ему поется слѣдующая дерзкая пѣсня:

„Ня хочишь дариць—пойди жъ
съ нами ходиць;

Воды бувтаць, грязи тыптаць,

Собакъ дражниць, людей смя-
щиць,

Бувай здоровъ—лупи коровъ!

Пыживешь болій—облупишь ко-
ній!

Пыживешь трошку—облупишь и
кошку!“ (10)

Въ Холмщинѣ въ понедѣльникъ так-
же собираются парни и ходятъ пооче-
редно отъ хаты до хаты, что и назы-
вается „волочебное“. Привѣствуя хо-
зяина „Христось воскресъ!“, прибыв-
шіе произносятъ пожеланія: „Выншу-
емо съ Великднѣмъ, здоровья и всё
добраго, жебысьмы дочекали здорово
одъ Великдня до Переводъ, одъ Пере-
водъ на безрикъ, одъ безрока до сто
лить, одъ сто лить поки воля Бога“ (7).

На Украинѣ понедѣльникъ называ-
ется „волочинникомъ“. Ходятъ съ по-
здравленіями преимущественно дѣти
къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ,
знакомымъ, къ священнику и помѣщи-
ку своего села, принося въ даръ „во-
лочильное“, состоящее обыкновенно
изъ пшеничнаго калача и нѣсколькихъ
крашанокъ.

У поляковъ „волочебнэ“ или „vlo-
чebнэ“ существуетъ лишь въ сѣвер-
ной части, именно въ Плоцкой, Лом-
жинской и Сувалкской губ., а также
на Литвѣ. Близъ Сувалокъ парни обра-
щаютъ вниманіе хозяевъ, что, если
они не откупятся „волочебнымъ“, т. е.
наличными деньгами или какимъ-либо

даромъ въ натурѣ, то „коровы будутъ мало молока давать“ (2).

На второй или на третій день Пасхи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши празднуется „гаикъ“ или „маикъ“. Это — зеленое деревцо, преимущественно елка или сосенка, украшенная разноцвѣтными лентами и разодѣтая куклой, которая должна изображать „царевну Весну“, или же замѣнившими ее изображеніями святыхъ. Обычай этотъ мѣстами связанъ съ маскарадомъ, причѣмъ парни одѣваются цыганами, евреями, бабами, медвѣдями и т. п. Иногда „царевну Весну“ изображаетъ сама дѣвушка, которая идетъ впереди и несетъ „гаикъ“ или „маикъ“.

Съ пасхальными днями у славянъ Россіи связанъ обычай купанія или обливанія водой.

Въ Польшѣ, на Украинѣ и въ Галицкой Руси близъ Львова этотъ обычай процвѣтаетъ въ понедѣльникъ, разумѣется, главнымъ образомъ между молодыми людьми. Обливаютъ изъ ведеръ, бросаютъ въ рѣчки и пруды, подводятъ къ колодцамъ и, черпая воду, почти непрерывно льютъ ее на вырывающуюся жертву.

Близъ Львова дѣвушекъ обливаютъ водой, когда онѣ еще лежатъ въ кровати. На это не сердятся, тѣмъ болѣе,

что облитая такъ дѣвушка, по существу тамъ повѣрью, должна въ этотъ годъ выйти замужъ. Отъ обливанья можно откупиться или яйцами, или деньгами, что и спѣшатъ обыкновенно сдѣлать дѣвушки и пожилые люди.

Польскій *oblewany* понедѣльникъ называется мѣстами—въ Люблинской, Сѣдлецкой и Радомской губ. днемъ св. „Лея“ или „Лейка“. Наиболѣе же распространенными названіями являются „*śmigus*“ или „*dyngus*“, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка. Уже въ XIV в., именно при Владисл. Ягеллѣ, синодъ р.-к. духовенства познанской епархіи издалъ распоряженіе о томъ, чтобы распространенный обычай обливать водой на второй и третій день Св. Пасхи, называемый *dyngus*, не допускался среди народа, но это предписаніе не исполнялось или не достигало цѣли, такъ какъ и впослѣдствіи духовныя лица не разъ вспоминаютъ о немъ.

Въ понедѣльникъ обливаютъ водой парни дѣвушекъ, причемъ послѣднія или откупаются, или отвѣчаютъ также обливаньемъ. Мѣстами парни, поймавъ дѣвушку, бросаютъ ее съ размаху въ прудъ или рѣку, иногдакупаютъ въ проруби или же кладутъ въ колоду около колодца и обливаютъ

изъ только что вытянутой бадьи холодной водою. Во вторникъ дѣвушки караулятъ заспавшихся парней и обливаютъ ихъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ въ прежнее время легко было попасть подъ неожиданное купанье, теперь это дѣлается съ бѣльшимъ изяществомъ изъ специальныхъ „смигусуекъ“, которыя въ прежнее время встрѣчались лишь при дворѣ и у богатыхъ помѣщиковъ.

На Куявахъ (Влоцлавскій и Нешавскій у. Варш. губ. и Иновроцлавскій округъ въ Пруссіи) существовалъ слѣдующій обычай. Одинъ парень взлѣзалъ на крышу деревенскій корчмы съ мѣднымъ тазомъ въ рукахъ и, позванивая въ его дно, выкликалъ имена дѣвушекъ, которымъ предстоитъ обливаніе водою, и приэтомъ высчитывалъ, сколько для какой изъ нихъ понадобится возовъ песку, тряпья, опилокъ, мыла и ведеръ воды, чтобы надлежащимъ образомъ смыть съ нихъ зимнюю и великопостную грязь (1).

Въ польскомъ народѣ *dyngus* и *smigus* раньше означали два различныхъ понятія, въ послѣдствіи оба значенія слились и перемѣшались, причемъ даже въ одной и той же мѣстности рядомъ съ пасхальнымъ обычаемъ купанья и обливанья означаютъ также и выкупъ за него, а иногда просто

сборъ подарковъ въ видѣ яицъ, праздничныхъ печеній и т. п. (1) У мазуровъ этотъ обычай называется мѣстами „выкупъ“ (2).

Въ Холмщинѣ и Галицкой Руситакже обливаются водой и на третій день, притомъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, что тутъ нельзя и откупиться, какъ на второй день праздника.

У великороссовъ „купалище“ устраивается только во вторникъ, т. е. на третій день Пасхи, причемъ молодые и старики обливають холодной водой тѣхъ, кто проспитъ заутреню.

Интересно отмѣтить фактъ, что обычай этотъ въ началѣ XVIII вѣка былъ отмѣченъ высшими церковными властями въ Россіи, и въ синодальномъ указѣ 17 апрѣля 1721 г. мы находимъ слѣдующее строгое запрещеніе этого обычая: „Въ Россійскомъ государствѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ, происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно, во всю свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, таковаго, аки бы штрафуя, обливають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купають: и хотя простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здравію, но и животу человѣческому тщета; ибо онымъ

невѣждѣ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ, или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапно облианіемъ ума лишаютъ“.

Описанный выше обычай обливанія водой принадлежитъ къ числу весьма древнихъ. Правда, нѣкоторые польскіе хроникеры говорятъ, что онъ ведетъ начало только отъ Ягелло, когда этотъ король приказалъ массаами крестить въ этотъ день литовцевъ, обливая ихъ водой, но на самомъ дѣлѣ происхожденіе его теряется въ глубинѣ вѣковъ. Появленіе воды — одинъ изъ признаковъ возрожденія природы, пробужденія ея отъ зимняго сна. Первая вешняя вода имѣетъ, какъ и первый весенній огонь, зажигаемый въ пасхальную ночь, особенную чудодѣйственную силу. Въ Костромской губ. дѣвушки выходятъ на воду и, если рѣка вскрылась, входятъ въ воду по поясъ, причемъ, держась за руки, поютъ: „весна красная, прійди, весна, къ намъ съ милостью, съ великою благодѣтельностью“. Существуетъ сказаніе о томъ, что духъ зла старается перехватить, уничтожить благодѣтельное дѣйствіе первой вешней воды и съ этой цѣлью посылаетъ на проруби ворона, который и старается окунуться въ воду раньше людей; поэтому-то людямъ и приходится торопиться къ прорубямъ

и постараться придти, пока воронъ не успѣлъ омочить въ нихъ крылья. Вешняя вода у малороссовъ отождествлена съ пасхальной; въ Галицкой Руси существуетъ обычай умываться передъ Пасхальной заутреней въ „галунци“, т. е. мискѣ, въ которую вмѣстѣ съ водой положено красное яйцо; эту „галунку“ вмѣстѣ съ писанками берутъ на церковный погостъ для освященія одновременно съ пасхами; на Украинѣ послѣ розговѣнья, умываясь, кладутъ въ миску два яйца и мелкую монету, а потомъ воду сливаютъ или на огонь, или въ прудъ.

У поляковъ сохранился подобный обычай въ Кѣлецкой губерніи, только онъ пріуроченъ тамъ къ Великому Четвергу, какъ къ дню омовенія ногъ. Въ пос. Кошицахъ, Пинчов. у., молодежь обоого пола собирается въ одномъ домѣ и поетъ религіозныя пѣсни. Когда вечеромъ взойдетъ мѣсяцъ, одинъ изъ парней встаетъ удвери дома и трещеткой даетъ знать, что пора выходить. Тогда трижды торжественной процессіей обходятъ рыночную площадь и затѣмъ мчатся, перегоня другъ друга, къ рѣчкѣ Шренявѣ и тамъ купаются среди смѣха и шутокъ, а затѣмъ возвращаются домой. Въ пос. Сѣвержѣ предварительной торжественной церемоніи уже не

бываетъ, а жители, проснувшись рано утромъ, мчатся прямо съ постели къ рѣкѣ и тамъ моются (4).

Этимъ, собственно говоря, и обнимается весь циклъ пасхальныхъ обрядовъ и празднествъ у славянъ Россіи. Приэтомъ мы должны еще замѣтить, что нами исчерпанъ въ предлагаемыхъ очеркахъ далеко не весь находившійся въ нашихъ рукахъ сырой матеріалъ: мы не распространялись о содержаніи народныхъ пѣсенъ, не описывали игръ, которыя въ ходу на Пасху, но это само по себѣ можетъ представлять спеціальную тему для разработки.

Въ настоящихъ очеркахъ нами сдѣланы ссылки на слѣдующіе наиболѣе крупныя труды и источники, которыми мы пользовались (цифры въ ссылкѣ указываютъ на № прилагаемаго списка).

1) **Глогеръ**. Польскій годъ въ жизни, традиціи и пѣсняхъ (на польск. яз.). Изд. II Варшава.

2) **Карловичъ**. Словарь польскихъ говоровъ (на польск. яз.).

3) **Иваничій**. Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.

4) **Кольбергъ**. Людъ, его обычаи, жизнь, рѣчь, сказки, пословицы, обряды, повѣрья, увеселенія, пѣсни, музыка и танцы (на польск. яз.). Серія XIX. *Кълецкій край*.

5) **Его же**.—Серія V. *Краковскій край*.

6) **Его же**.—*Покутье*. Этногр. оч.

- 7) **Его же.**—*Холмицина*. Этногр. оч.
 8) **Его же.**—*Мазовецкій край*. Этногр. оч.
 (на польск. яз.).
 9) **Сахаровъ.** Сказанія русскаго народа.
 Народный дневникъ. Праздники и обычаи.
 СПб. 1885 г.
 10) **Шейнъ.** Бытовая и семейная жизнь бѣ-
 лорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ.
 11) **Чубинскій.** Матеріалы и изслѣдованія.
 Кромѣ того отдѣльные факты и примѣры
 почерпнуты изъ статей и сообщеній въ раз-
 личныхъ этнографическихъ журналахъ.

Оттискъ изъ „Варшавскаго Дневника“.

Дозволено Военной Цензурой.
Гор. Варшава, 15 мая 1915 года.

Печатано въ Варшавской Губернской Типографіи 1915 г.

F

23.265